

Введение

Прекрасным и счастливым приобретением являются победы и трофеи в войнах, основание и восстановление городов и всякие тому подобные великие и достойные памяти дела. Эти деяния доставляют известность, славу и наслаждение творцам их и, когда они [творцы] умирают и уходят отсюда, совершенно не желают за ними следовать. Наступающее потом забвение скрывает и извращает истинный ход дел. Когда знающие о них [этих делах] умирают, с ними уходит, исчезает и знание их. Поэтому одна память представляет нечто текучее и непрочное и не может сохраняться долго. И я полагаю, что иные не решились бы подвергаться опасности ради отечества и переносить другие труды, если бы хорошо знали, что вместе с ними погибнет и умрет вся их слава, рассчитанная только на одну их жизнь, какие бы славные дела они ни совершили. Однако некий божественный промысел, укрепляя слабость нашей природы, даровал блага истории и вытекающие из нее надежды. Я думаю, что победители на Олимпийских играх обнажаются на арене не ради масличного венка или венка из селлера, что храбрые воины в сражениях подвергаются открытым и очевидным опасностям не только ради добычи и наживы. Те и другие добиваются прочной и бессмертной славы, которой они не могут насладиться, если их не обессмертит история, не такой [славы], как установления Замолксиса [1] или готическое безумие, но божественной и бессмертной, единственной какая смертные дела превращает в бессмертие.

Отнюдь не легко обозреть и перечислить все блага, которыми история наполняет человеческую жизнь. Короче сказать я думаю, что она [история] отнюдь не может быть расцениваема ниже философии. А может быть она приносит и большую пользу. Ибо она, как некий непоколебимый и неподкупный учитель, распоряжается и указывает, чему следовать и чего надлежит избегать, как бы примешивая принуждение к убеждению. Пользуясь величайшим очарованием и как бы приправляя наставления разнообразием примеров и представляя наглядно, в чем люди, пользуясь благоразумием и справедливостью, прекрасно вели дело, а в чем погрешали против должного вследствие или неправильного суждения, или по произволу судьбы, она незаметно и тихо приобщает душу к добродетели, ибо приятное и предоставленное для свободного выбора легче в нее внедряется и ею усваивается. Думая об этом, я всегда считал достойным удивления и прославления в качестве общественных благодетелей тех, кто трудится в этой области. Мне казалось, что я не должен приниматься за этот труд, а вначале думалось, что я не должен и пытаться братья за это. С детства я больше всего увлекался героическим ритмом и весьма упивался сладостью поэтических тонкостей. Мною написаны в гекзаметрах маленькие стихотворения, которые называются «Дафниака», украшенные эротическими мифами и наполненные разными волшебными сказками. Далее мне казалось достойным хвалы и не лишенным прелести собрать новые и свежие эпиграммы, еще не обнаруженные и разбросанные.

Я собрал их, насколько это возможно, в одно целое и списал по одной, приведя их в систему. Тогда мною были написаны многие другие произведения не ради пользы, а ради удовольствия. Ведь поэзия действительно является делом священным и божественным. В ней, сказал бы мудрый сын Аристона[2], души проникаются энтузиазмом и порождают поистине прекрасное, действительно наполненное музами и проникнутое страстью. Я и решил заниматься этим и никогда не думал добровольно оставить эти юношеские приятные занятия и следовать известному дельфийскому предсанию «познать самого себя». Но в мое время повсеместно и неожиданно вспыхнули великие войны, совершились переселения многих варварских народов, [наблюдались] неожиданные исходы тайных и невероятных событий, беспорядочные капризы судьбы, гибель народов, порабощение городов, переселение жителей, и как будто весь род человеческий пришел в движение. Когда происходили такие события, я начал бояться, позволительно ли обойти молчанием и остановить без описания такие великие, достойные удивления и могущие принести пользу события. Поэтому показалось мне не бесполезным попытаться описать их каким-нибудь образом, чтобы не вся моя жизнь прошла в занятиях баснями и бесполезными забавами, но принесла кое-что и необходимо нужное. Многие из моих близких людей советами и понуждением возбудили и укрепили мое усердие в этом, и среди них молодой Евтихиан. Первым в этом увещании был он, человек, занимающий первое место среди императорских секретарей[3], безупречный и благоразумный и в других отношениях, сам отличного образования и представляющий лучшее украшение рода Флоридов. Этот муж очень заботился о моих делах, о моей славе и моих выгодах. Не переставая меня побуждать к этому и внушать добрые надежды, он утверждал, что это дело нельзя считать слишком трудным и невыполнимым, что не следует бояться неиспробованного на опыте так, как незнакомый с морем боится мореплавания. Более того, он утверждал, что история немногим отличается от поэзии. Они родственны и близки и отличаются друг от друга, можно сказать, только ритмом. Он требовал с бодрым духом идти на это, как бы переселяясь из дома в дом, и со всем жаром приниматься за дело. Повторяя это, он легко склонил и убедил меня, уже самого пожелавшего стать историком. Так пришел я к этому. Пусть мне удастся сделать что-нибудь достойное моего желаний и как можно ближе подойти к величию описываемых деяний.

Прежде всего нужно показать, кто я и откуда, как это обычно для историков. Итак, мое имя - Агафий, отечество - Мирина, отец - Мемноний, занятие - римские законы и судебные споры. Мириной же называю не фракийский городок или какой другой в Европе и Ливии, но в древности основанный эолийцами в Азии, расположенный у устья реки Пифика, вытекающей из Лидийской страны и впадающей в самое отдаленное русло Элайдского залива.[4] Пусть мне будет дано, когда это будет возможно, полностью отблагодарить его за воспитание и описать точнейшим образом все славные деяния моей родины. Теперь же пусть он благосклонно и благожелательно примет мои чувства. Мне нужно обратиться к величайшим государственным деяниям. Я буду

писать историю не так, как это делается теперь другими (ибо есть теперь и другие, пришедшие к этому же занятию). У них меньше всего заботы об истине и о том, чтобы описывать события, как они происходили в действительности. Наоборот, они так ясно изобличаются в снискании милостей у многих сильных и лести, что им не верят, даже когда они говорят правду. Опытные в этих делах авторы говорят, что подобает одной похвалой возвеличивать, насколько возможно, блага, которыми кто-либо одарен. История же, хотя и не отказывается полностью от похвалы тех, кто совершил что-нибудь прекрасное, но, думаю, желает иметь не только эту цель и намерение. Какую бы похвалу или позор ни вызывали события, все же не подобает насилловать историю и прикрашивать случившееся. Они обещают писать историю, и обещание это выставляется в заголовке. На деле же они изобличаются в извращении названия. Еще живущих, если это императоры или другие именитые люди, не только восхваляют за совершенное - в этом мало погрешают, - но для всех делают очевидным, что они и заботятся только о том, чтобы хвалить и восхищаться сверх необходимого. Умерших же, каковы бы они ни были, или называют наихудшими и грабителями общественного достояния, или - что, во всяком случае, менее странно - так их презирают, что не удостоивают никакого внимания. Итак, они считают, что позаботились наилучшим образом о настоящих делах, всегда прислуживая сильным и заботясь о своих выгодах, не уяснив, что даже тем, которых они осыпают похвалами, это не очень нравится, так как те понимают, что явная лесть не будет достаточной опорой их славы. Но пусть они пишут по своему нраву и обычаю, а мне предначертано следовать истине, насколько ее можно постигнуть. Я буду касаться всего, что у римлян и большинства варваров совершилось в это время, и говорить не только о тех, кто еще, может быть, живет, но еще больше о тех, которые уже умерли, и ничего не опущу из того, что достойно упоминания. Поэтому возьмусь за написание истории с того времени, с какого Юстин Младший получил императорскую власть по смерти Юстиниана. Но я коснусь и более раннего времени, и что никем другим не было сделано, то я сделаю.

Большинство событий в царствовании Юстиниана, детальнейшим образом описанных Прокопием Кесарийским, должно быть обойдено мною, так как о них рассказано достаточно полно. Он начал свою историю со смерти Аркадия, рассказал, как опекуном сыну его Феодосию был назначен Исдигерд, и о том, что произошло с Варараном и Перозом, каким образом избранный царем Кавад был лишен царства и затем снова возвратил его, каким образом Амида была взята им при Анастасии, императоре римлян, и какие усилия снова в этом деле предпринял Юстин Старший. Затем описаны персидские войны, происходившие против Кавада и Хосрова в Сирии, Армении и в пределах лазов при императоре Юстиниане. Все это узнаешь наилучшим образом из рассказов Прокопия: рассказ о вандальском Гелимере и городе Карфагене и всей стране афров, оторванной некогда отпадением Бонифация и Гензериха и спустя долгое время подчиненной Юстиниану и снова ставшей частью Римской державы. За этим идет истребление вандалов и то, что мав-

ританские племена совершили и претерпели в Африке, сталкиваясь с римлянами, и как Стотца и Гонтарис, будучи римлянами, превратились в тиранов, стали виновниками величайших бедствий и возмущений в Африке, и бедствия прекратились только тогда, когда оба эти мужа были умерщвлены. Но и это почти все найдешь в истории Прокопия: каким образом внутренний мятеж в Византии был поднят против императора и, приняв размеры величайшего бедствия, поразил общество; набеги гуннов, которые в это время вторглись и причинили Римской империи величайшие бедствия, опустошив Иллирик, Фессалию и большую часть Европы и даже часть Азии, когда они перешли Геллеспонт; как самым плачевным образом были опустошены Хосровом Сурон, город, в Сирии, Веррия и Антиохия у реки Оронта, равным образом, как происходила осада Эдессы. Можно в ней найти также описание столкновения эфиопов и амиритов, узнать, какие причины вражды были между этими народами. Много также он [Прокопий] писал о жесточайшей чуме, каково было ее начало и как она внедрилась о человеческий род, и что необычайное произошло в это время. Затем можно прочесть, что было совершено войском лазов у крепости Петры против Хориана и Мермероя и персидских войск. Когда же [Прокопий] перешел [к описанию событий] на западе, то поведал, каким образом умер Теодорих, король Готский, а Амалазунта, его дочь, была убита Теодатом. Исследовал [он] все причины, почему разгорелась готская война; далее, как Витигес, ставший после Теодата во главе готского племени, был взят в плен полководцем Велизарием после множества сражений; наконец, каким образом Сицилия, Рим и Италия по изгнании варваров снова были украшены отечественными законами и обычаями. Здесь можно узнать, как евнух Нарзес, назначенный императором верховным главнокомандующим, был послан в Италию и провел наилучшим образом славные войны против Тотилы; как после него Тейя, сын Фредигерна, получив власть над готами, немного спустя и сам был уничтожен. Все это произошло до двадцать шестого года правления Юстиниана. И Прокопий на этом, как я полагаю положил конец своей истории. Я же, как и предполагал вначале, приступаю к делу, описывая ближайшие за тем события.

*****

>>далее>>